

Олег Грейгъ

Подлинная
судьба
адмирала
Колчака

Олег Грейгъ

**Подлинная судьба
адмирала Колчака**

«Алисторус»

2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Грейгъ О.

Подлинная судьба адмирала Колчака / О. Грейгъ — «Алисторус»,
2008

ISBN 978-5-9265-0556-3

Парадоксы истории порой так необычны, а тайны так чудовищны, что в них трудно поверить. Одна из таких тайн, свято хранимых в СССР, – подлинная судьба некоторых высокопоставленных участников Гражданской войны. Вопреки общепринятому мнению, Верховный правитель России адмирал Колчак не закончил свой жизненный путь зимой 1920 г. в проруби реки Ангары, а продолжал еще многие годы служить Советской России и лично товарищу Сталину. Именно об этом очередная книга О. Грейгъ, которая открывает читателю многие тайны советской истории и секреты кремлевских владык. Книга также вышла под другим названием: «Колчак-Полярный. Жизнь за Родину и науку».

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9265-0556-3

© Грейгъ О., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

Часть 1. Уничтожить и самое имя Русь	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Олег Грейгъ

Подлинная судьба адмирала Колчака

© Грейгъ О., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

Часть 1. Уничтожить и самое имя Русь

Глава 1

В начале февраля 19... года в кабинет секретаря ЦК КПСС, курирующего международные проблемы, принесли папку с докладом, которую он тактично передал своему ближайшему помощнику, лицу почти опекаемому и почти приближенному. Все время, пока тот изучал материалы, относящиеся к первой половине XX века, хозяин кабинета отрешенноспокойно рассматривал пространство, не фокусируя взгляд на отдельных предметах, однако, благодаря общественному статусу, привычке и прожитым годам, он видел, не только КАК читал его помощник, но и ЧТО творилось в его душе во время чтения. Благодаря пониманию происходящего и наперед зная, что вот-вот ожидает человека, всецело поглощенного новой информацией, хозяин кабинета испытывал весомое удовлетворение.

Тот, кто держал бесценную папку, часть из ее содержимого знал, частично – предполагал из анализа встреч, ситуаций и сообщений иного рода, но многое – видел впервые; многое – подтвержденное официально документами, которые **не** хранят ни в каких архивах, разве что в сверхсекретных архивах партийной разведки, о существовании которой в стране знает только ограниченное количество избранных, самых-самых, диктующих самому Господу Богу страницы мировой Истории.

Высший партийный босс не торопил сотрудника, он и сам вообще никогда никуда не торопился, но все успевал, – многолик и вездесущ, этот маленький человечек, почтительно прозванный самыми приближенными в своем аппарате «папа Боря», тогда как члены Политбюро и секретари ЦК очень осторожно, с испуганным придыханием звали его «Исчадие ада». А что даст нам имя человека, просматривающего пожелтевшие от времени страницы; у людей, подобных ему, нет имен; ОН – в структуре, но он – не винтик, не цепочка и не гаечка цельного государственного механизма, а ветер, могучий и могущий без помощи других придать механизму центробежную силу... ибо в него заложена почти взвездная энергия, способная – по приказу *папы Бори!* – вздыбить земную ось и оседлать ее, как строптивую жеребицу... Однако, коль его как-то надо звать, то назовем так: Призрак, придав его облику немного скорбной сентиментальности.

Вскоре ответственный сотрудник направился в свой кабинет, вместе с документами и напутственной благожелательной улыбкой босса, таящей зловещий смысл.

Из бумаг становилось известно о деятельности Специального отдела ЦК ВКП(б) (формально: Спецотдела ВЧК-ОГПУ) под руководством *Глеба Ивановича Бокия*, возглавлявшего это скрытое учреждение без малого два десятилетия. Отдельно к папке прилагались обширные тома других документов. Всякий, кто мог бы прикоснуться хотя бы к одному из них, прочесть содержимое, просмотреть фотографии, графики и схемы, увидеть неразборчивые подписи и рядом аккуратно проставленные знакомые фамилии и при этом хотя бы вполовину понять суть представленного, засекреченного, – через короткое мгновение понял бы, что его мозг не только перестает функционировать, но и вообще перестает ощущать себя мозгом человека разумного; словно знания могут вызвать ядерный взрыв в мозговых клетках.

Могут?! Без специальной подготовки нельзя было адекватно и спокойно реагировать на те ужасы, которые таились в обыкновенных исписанных листах.

Но многое о деятельности Спецотдела сотрудник хозяина кабинета знал. Среди этого многообразия документов он выискивал некий особый, ради которого и был приглашен сюда. Но какое донесение, какая сводка, письмо, отчет, чья рукопись оформится в значимое дело, над которым придется работать?... может, просто прочесть, ознакомиться и уничтожить;... может,

подменить фальшивкой и представить общественности;...а, может, довершить чьей-то жизнью. Или даже *своей*.

Наконец интуитивно он особо отмечает, что гласит очередной документ, где сообщалось, что *один из ответственных работников Секретариата товарища Сталина еще в начале 30-х годов информировал Орден о том, что объект «Призрак океана» продолжает сотрудничество с руководителем Спецотдела*. Указывалось имя информатора – Б. Пономарев. И приписочка: *«Согласовано с И. В.»*

Следующий документ гласил, что *после ареста Г. И. Бокия все огромное количество документации, технические средства, многочисленные лаборатории, испытательные полигоны и проч., и проч., и проч. переходят в распоряжение Секретариата товарища Сталина*. Особая ответственность при этом возлагается на двух сотрудников этого аппарата – А. Голованова и Б. Пономарева.

Спустя десятилетия после тех давних событий человек, упомянутый в обоих документах, занял чрезвычайно влиятельное положение в руководстве партии, да и вообще в государстве.

Это с его подачи будет запущена молва о том, что серым кардиналом КПСС является член Политбюро и секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов. Хотя тот хорошо понимал, что это как бы исполненный симпатии кураж за события, имевшие место в 1937 г. в Саратове, когда Борис Николаевич практически спас Сулова от подвалов Лубянки. Тогда как в действительности, только не серым кардиналом, а Черным Князем Тьмы стал Б. Пономарев с тех пор, как не без его участия ушел в конце 1952 г. (а не в марте 1953-го, как принято думать) из жизни товарищ Сталин. О скольких достоверных событиях еще предстоит узнать, коли фортуна соизволит повернуться лицом к нам, жаждущим истины. И коли даст она дозволение на раскрытие хотя бы части своих тайн.

Со временем Борис Николаевич установил жесточайший контроль над сталинскими марионетками и, великолепно манипулируя, умело направлял их интриги. Так что не зря члены Политбюро и секретари ЦК очень осторожно, с испуганным придыханием прозывали его *«Исчадие ада»*, не забывая при этом оглядываться.

...А тогда, в те февральские морозные дни 19... года им была получена информация, что один из самых преданных его людей, человек, к которому он благоволил, стал, пользуясь терминологией того времени, его личным врагом, предателем, замыслившим расправу. Борис Николаевич никогда не позволял себе являться к подчиненным; и об этом знал тот, кто прошел почти два десятилетия совместной работы, и ради которого негласная традиция была однажды нарушена. В день 6 февраля босс явился в просторный кабинет своего ответственного работника, сел напротив за стол заседаний и, махнув рукой, чтобы хозяин кабинета не вставал из-за стола, совсем тихо, по-домашнему сказал:

– Налей мне коньяку.

Смакуя небольшими глоточками, выпил, встал и продолжил:

– Ты ознакомился с материалами? Надеюсь, узнал много поучительного. Там хватает интересных судеб, начиная с самого Бокия. Но мне кажется, больше всех тебя заинтересовал вице-адмирал Колчак. – И, не ожидая ответа, завершил: – Ну что ж, собирайся.

Не прошло и часа, как они оставили особняк в подмосковном лесу и оказались в личном самолете секретаря ЦК партии. А спустя какое-то время самолет, пролетев несколько поясовых часов, уже совершал посадку на одном из военных аэродромов Краснознаменного Сибирского военного округа. Здесь, в Сибири, величаво пробуждалось раннее утро 7 февраля. Пересев в вертолет, пассажиры добрались на берег Ангары, туда, где в реку впадает небольшой приток Ушаковка.

Повернувшись к шедшему в полшага сзади от него человеку, секретарь ЦК спросил:

– Как ты думаешь, где могла быть прорубь, в которую можно было воткнуть генерала Пепеляева и адмирала Колчака?

Спутник негромко отозвался:

– Да где угодно, может, даже здесь.

Они сделали несколько шагов, и перед ними оказалась полынья. Только недавно заботливо подготовленная, она еще не успела покрыться корочкой льда. **Папа Боря** окинул заботливым взглядом собеседника и жестко констатировал:

– За то, что ты сотворил, тебя нужно живьем сунуть в эту прорубь. Вот тогда восторжествует справедливость. Ведь советские люди знают, что гласит история... а история гласит, что Колчак вместе с Пепеляевым были расстреляны, как враги советской власти и спущены здесь в прорубь. Хотя кто-кто, а ты уже хорошо знаешь, что все следствие после ареста Колчака и Пепеляева было не чем иным, как фальсификацией. Да, Пепеляева действительно расстреляли, а Колчака – нет. Благодаря стараниям Бокия. Но такова была установка Ордена. Но ведь должен же Ледовитый океан принять тело своего исследователя, должен же дожидаться своего вице-адмирала? А? Как ты думаешь? Будет справедливым, если тебя сунуть в прорубь головой вместо Колчака?

Спутник Бориса Николаевича только и отчеканил:

– Но я ведь не исследовал Ледовитый океан.

– *Зато ты слишком увлекся исследованием моей жизни. А ведь я могу сделать так, что от тебя даже пыли не останется. И даже если я оставлю тебя, то смогу опустить до состояния ничтожества, о котором никто никогда не слышал и которого никто никогда не знал. Запомни... Ты до сих пор живешь и возвышаешься, потому что так хочу я. А ты посмел поднять руку на своего благодетеля.*

Разительно-горячая волна обожгла грудь. Сердце своими ударами отсчитывало сотые доли секунды. Мозг работал лихорадочно, безустанно продумывая ходы. На какое-то мгновение возникло чувство страха, но тут же улетучилось – сказались профессиональная подготовленность и уникальный опыт, приобретенный за годы службы в этом чрезвычайном и сверхсекретном подразделении партии. Страх исчез, а вместе с ним исчезла и обжигающая струя, пронзившая грудь. Он резко присел, чтобы оттолкнуться ногами и прыгнуть в прорубь, как когда-то в детстве он любил прыгать вниз головой в заводи журчащей горной речки.

...но прыжок не состоялся.

Полынья внезапно покрылась толстым слоем льда. Неожиданно с неба посыпал густой снег, щедро покрывая черную флотскую шинель сотрудника ЦК партии, еще секунду назад готовившегося к прыжку в небытие.

Борис Николаевич, увидев происшедшее, несколько не удивился и спокойно сказал:

– А тебе благоволят свыше.

Он смотрел снизу вверх на виновника, все же удовлетворенный и развитием событий, и произносимым приговором:

– Но вот одну звезду я с тебя все-таки сниму. И будешь ты, как и Колчак, вице-адмиралом. Ведь третьего орла он незаконно одел. Царь ему дал только по два орла на каждый погон.

Его маленькая дьявольская фигура резко развернулась, и человек, невзирая на преклонный возраст, быстрыми мелкими шагами направился к вертолету. Потом оглянулся и приказал:

– А ты что стоишь, *вице-адмирал*, – в машину.

Прилетев на аэродром, Борис Николаевич сразу же направился к своему самолету, бросив на ходу сопровождавшему:

– А ты иди в свой.

И указал на стоянку, где таки дождался своего хозяина Ту-134. Милосердие *папы Бори* было безгранично; он ценил сильных соперников, и потом – **каждому свое время быть забытым...**

...После возвращения в Москву секретарь ЦК направился домой, а его спутник возвратился в рабочий кабинет. Как только он вошел, раздался телефонный звонок.

– Почитай информацию. Может, что полезного извлечешь, потом доложишь.

Босс уникален и вездесущ; но что значит жизнь без этих знаний, без причастности к секретам и тайнам эпохи? – ничего, словно и не жил вовсе.

Проработав ночь и почти весь следующий день, вицеадмирал проанализировал пласт прочитанной им информации. Вкратце это выглядело так.

Документы свидетельствовали, что в конце XIX века Россия стала главным препятствием для международных сил, стремящихся контролировать мировые ресурсы.

Силы эти, именуемые *Орден*, означают центр по подготовке войн и революций, еще – центр международного еврейства, и расположены по адресу: США, Нью-Йорк, Бродвей, 120.

Тогда как в Англии еврейские банкиры, имеющие те же цели, организовались в так называемую *Группу*.

Чтобы устранить препятствие в виде могущественной Российской империи, было принято множество подлых, но хорошо рассчитанных и верных шагов. К примеру, были приняты меры к иностранным займам, как долгосрочной кабале. Орден совершенно не устраивала русская идея всеобщего и полного разоружения. В связи с этим Орден предусматривал разрушить кадровый состав МИДа Российской империи. Происходило усиление масонства в России как высшей формы русофобии; усилилось влияние иностранных лож «Великий Восток Франции», «мартинисты», «розенкрейцеры»; масонство и сионизм насильственно вживлялись в организм здорового общества. Как орудие против России предусматривалось использовать и Японию, конечной целью которой является якобы возвращение исконно японских земель, захваченных русскими. Под нажимом извне, в результате хорошо спланированной партии политической игры, была осуществлена японская агрессия. При Порт-Артуре и в Цусимском проливе погиб русский флот; после чего в задачу Японии входило... попросить мир. Однако одновременно против России велась и тайная война; Орден с помощью японских спецслужб стал финансировать еврейских революционеров, находящихся в России. В России началась активизация масонского подполья, в частности, «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Г. Плехановым. Толчком к активизации послужило совещание евреев в Париже. Внутри страны опора делалась на Гапона и его организацию «Тайная пятерка», которая находилась в тесном контакте с «Союзом борьбы». Была спланирована и организована массовая провокация евреев против русских в виде шествия к царю 9 января; другие провокации во многих губернских городах, не говоря про обе столицы.

Одной из важнейших задач для эскалации революции и захвата власти Орден предусматривал обязательное разрушение научных сил Российской империи. Помимо Русской Национальной академии и ее структурных подразделений, в поле внимания заинтересованных сил было и Русское Географическое общество (РГО). Особое значение здесь имел руководитель РГО, *академик Семенов-Тянь-Шанский*, – тайный масон, в задачу которого входило поддерживать связь с агентурой Ордена, не допуская утечки самых значимых материалов об экспедициях и открытиях новых месторождений полезных ископаемых, в особенности на Севере, в том числе исследований Северного Ледовитого океана, Кольского полуострова, полуостровов Таймыр и Ямал.

...Отдельно были материалы, касающиеся жизни и деятельности вице-адмирала *Александра Васильевича Колчака*.

Устерженному от смерти, избегнувшему ее тугих сонных объятий временами казалось, что поток информации не иссякнет и что босс при случае подкинет ему еще что-нибудь, имеющее отношение к столь щепетильной теме, – подготовленной словно бы для того, чтобы еще раз разбередить, всколыхнуть в нем ту минуту страха и густого жара, когда конец его личного земного пути был столь очевиден. И по которому он обречен был уйти в одиночку в небытие, не успев никого прихватить с собой. Он еще тогда осознал, что ничего не сможет предпринять, никому не сможет отомстить, несмотря на скорую реакцию, годы тренировок и пережитых

с отличными боевыми товарищами сражений; за его спиной стояли головорезы *папы Бори* – зомби с искусственно деформированным мозгом; поодаль, скрытые ветками густых елей, сидели снайперы; все это так очевидно, знакомая школа. Он сам – ее лучший ученик.

Одновременно раздумывая, просматривая и запоминая, он отмечает: вот материалы по подготовке и проведению экспедиций на Север во главе с Эдуардом Толлем и Георгием Седовым. Участник экспедиции Толля, русский офицер Колчак позже организует свою экспедицию, и его открытия и материалы по исследованию Северного Ледовитого океана будут иметь чрезвычайную важность для Ордена. Оттого доклад А. В. Колчака в РГО был изъят и отправлен в Нью-Йорк. При этом Семенову-Тянь-Шанскому строго наказали, чтобы Колчак никоим образом **не** распространялся о своих открытиях. В случае иного развития событий Орден давал академику задание публично свести открытия исследователя к фантазиям и бреду морского офицера, занимающегося не своим делом. Как крайняя мера предусматривалось убийство. Для того чтобы пресечь настойчивое желание распространяться о науке, Орденом было принято решение – через свою агентуру доказать необходимость возвращения Колчака для дальнейшей службы на флот.

В документах подробно освещались задачи Ордена по организации движущих сил второй антирусской революции; опора на российское масонство; выделение более 170 млн. долларов на революцию; организация заговора против Императора и подготовка к инсценировке цареубийства; союз агентуры Германии и евреев-большевиков; попытки разложения русской армии, еврейский саботаж; пораженческая пропаганда еврея Ульянова-Бланка (Ленина) и иже с ним; образование еврейского (советского) правительства. Планы Ордена по захвату железной дороги Москва – Владивосток; Чехословацкий корпус; китайские соединения и организация Сибирского правительства во главе с Колчаком.

Информация многоплановая и разносторонняя; трагедия эпохальной ломки; судьбы людей, многие из которых даже **не** понимали, что они – резидентура, что они действуют по воле и замыслу единого центра, сосредоточенного в Нью-Йорке.

Но большинство все-таки прекрасно осознавали, что работают на центр мирового еврейства во имя сумасшедшей идеи так называемого «избранного народа» овладеть всем миром. Фанатики! Они и их преемники и сейчас, во время строительства «социализма с человеческим лицом», – думал сотрудник ЦК, – информируют обо всем происходящем в этом филиале центра мирового еврейства, в этой оккупированной евреями России, стране, где сами же и управляют!.. Но тогда как понять: с какой целью разглашаются столь секретные сведения, зачем даются они ему, потомку могучего русского рода, практически вырезанного после 1917 г., выращенному как пособник, соратник и соучастник одного из главных строителей преступной советской системы?

И тут же словно из ничего появился образ Бориса Николаевича. О, этот уникам любил подобные воплощения; куда до него знаменитому еврейскому чудеснику Вольфу Мессингу! *Папа Боря* – старый и почти немощный на вид – изредка проделывал свои шуточки даже во времена Горбачева, появляясь перед соратниками в Кремле так неожиданно, будто только что прошел сквозь стену. «Исчадие ада», – вспыхивало в мозгу партийных соратников, но от неожиданности сковывало губы, и выдыхалось не имя, а страх. Он владел многими тайнами и, как и Сталин, умел читать мысли.

В тот раз его голос четко произнес:

– Не можешь понять? А это цена вам всем – русским и другим народам, что вы не в состоянии понять наши еврейские *фигли-мигли*.

Глава 2

Начальник Спецотдела при ОГПУ (на самом деле, как уже указывалось, при ЦК ВКП(б)) **Глеб Иванович Бокий** происходил из дворянской семьи, имевшей древние корни. Но вот его мать была еврейкой, причем одной из психопатичных натур, всецело поддерживавших народовольцев, покушавшихся на Императора Александра II. Ее нередко видели на площадях обеих столиц Империи, где она в истерических припадках выкрикивала в адрес проходящих людей: «Всех вас поглотит геенна огненная!» Как правило, ее тут же отвозили в желтый дом; а затем, после прохождения курса лечения муж забирал ее из больницы. Звали эту женщину *Эсфирь-Юдифь Эйсмонт*.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Но я не встречал этого имени в печатных источниках.

ИНТЕРВЬЮИРУЕМЫЙ, он же – ПРИЗРАК: – И не встретите. Разве что в **не** доступных простому читателю документах... В редчайших советских источниках, где идет рассказ об этой семье, приводится совершенно другое имя, но чаще – речь о матери вообще не ведется. В переделанных документах мать Бокия получила русское имя; документы «выправляли» многим евреям, заполучившим власть в России, и они стали зваться вымышленными именами на русский лад; чтобы закрепить миф о так называемой «русской революции» в России в 1917 году.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Хорошо, допустим, я вам верю.

ПРИЗРАК: – Хорошо или допустим?

ИНТЕРВЬЮЕР: – Верю. Тогда скажите прежде, как произошло ваше знакомство с секретарем ЦК КПСС?

ПРИЗРАК: – Мы в помещении – назовем условно: в небольшом зале кафе. Сидим за столиком друг против друга. Мне предложена работа, оттого мы и встретились. Коротко приглядываемся. Он маленький по сравнению со мной, я сам себе кажусь гигантом, у него сила и власть, у меня – ухарство и смелость. У него – должность, у меня – специальная подготовка, полученная, между прочим, как я узнал много лет спустя, *по его воле*. Наше сидение напротив не длится больше пары минут, он спокойно задает такой простенький, такой безобидный вопрос: «А если за твоей спиной сидит враг, который хочет убить меня, как ты поступишь?» Еще звучат последние слова, а голова человека у меня за спиной разлетается вдребезги; я машинально достал пистолет и выстрелил – вот каков был мой ответ на простенький вопрос работодателя.

ИНТЕРВЬЮЕР: —?!

ПРИЗРАК: —...ничего, только шевеление за спиной, – его головорезы наводили порядок. Он только сказал удовлетворенно: «Ну что ж, продолжим работу». Никаких характеристик ему! Это был мягкий и корректный человек.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Вы сказали «мягкий и корректный»?

ПРИЗРАК: – Все, разговор окончен.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Вы сказали.

Судьбы братьев Бокиев – Глеба и Бориса – казалось, были предрешены «благодаря» такой наследственности. Правда, Борис оказался генетически предрасположен к отцу, тогда как Глеб – к матери. Первый впоследствии сделался известным в горной промышленности инженером.

Бокий Борис Иванович (1873 – 13 марта 1927) – «советский» ученый в области горного дела. По окончании Санкт-Петербургского горного института (1895) работал на шахтах Донбасса. С 1906 г. – адъюнкт-профессор, а с 1914 г. – ординарный профессор Санкт-Петербургского горного института. С 1921 г. был также членом Научно-технического совета Главного горного управления ВСНХ РСФСР, а затем ВСНХ СССР и являлся ответственным консультантом трестов «Донуголь», «Югосталь», др., активно участвуя в восстановлении горной

промышленности страны. Еще в 1914 г. вышел его трехтомный «Практический курс горного искусства», который впоследствии несколько раз переиздавался.

Ну а Глеба Ивановича Бокия неумная страсть и психопатство привели к революции; он разорвал отношения с семьей, разругался с братом и увлекся восточными учениями и оккультизмом. Его быстро выловили агенты Ордена и пристроили в подпольную масонскую организацию, громко названную «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», – резидентуру Ордена, возглавляемую Г. Плехановым. Социал-демократом Глеб стал в начале 1900 г.; за революционную деятельность и подрыв устоев общества его сослали в Восточную Сибирь.

Здесь следует сделать краткое замечание, которое во многом прояснит наше повествование. *Отправка дегенератов и бунтовщиков-евреев на так называемое исправление в Сибирь была не случайным делом – этот ход был давно продуман международным еврейством, как... форма освоения (и присвоения) невероятно богатых регионов Сибири и Дальнего Востока. С подачи агентуры международного еврейства, имеющих влияние при дворе, царские чиновники «проглотили» этот замысел, как наживку, и «успешно избавлялись» от всякого рода смутьянов и психопатов, отправляя их на перевоспитание подальше от столиц – в Сибирь и далее на Восток. Даже не подозревая, что тем самым закладывалась взрывная мощь огромной силы на столетие вперед в столь уникальном регионе Российской империи, без которого западная часть Великороссии и Малороссии фактически ничего не стоит.*

В числе таких «жертв режима» оказался и Глеб Иванович. Учеба в Горном институте в Санкт-Петербурге многое дала ему.

Бокий Глеб Иванович, партийные псевдонимы Кузьма; Дядя; Максим Иванович. БСЭ (Большая советская энциклопедия, т. 3. М., 1971, с. 470) дает следующие даты жизни: 21.6/3.7.1879 – 15.11.1937; а СИЭ (Советская историческая энциклопедия, М., 1962, т. 2, с. 517) слегка отличающиеся: 1879–1940. Какой источник правдив в дате смерти этого по-своему уникального человека? – **никакой**. Но об этом позже...

Г. И. Бокий, как и брат, родился в Тифлисе; как и брат, учился в Санкт-Петербургском горном институте. Но, в отличие от брата, участвовал в еврейской революции 1905–1907 гг. в Санкт-Петербурге, причем, как свидетельствуют советские источники, «работал по организации боевых дружин». В 1916 г. был введен в так называемое Русское бюро ЦК РСДРП(б). Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

В молодые годы в нем проявились многие «таланты» его психопатической природы: мелкое мошенничество, ловкий обман гоев (т. е. неевреев), «подставы» товарищей, лживость, шантаж и т. п. Именно эти его качества заинтриговали активного агента Ордена, проживавшего в Пскове (затем в Туле, Смоленске, Орле и других городах империи) Мойшу Тоцкого. Который при встрече и знакомстве с новым товарищем, высоко оценив в нем наряду с изощренным плутовством и незаурядный ум, рекомендовал тому обратиться к сподвижнику Ульянова-Бланка Карлу Радеку. Человека, взявшего псевдоним Ленин, и Бокий, и многие другие из их круга **всегда** называли только Ульяновым-Бланком, подчеркивая тем самым его настоящую, смешанную сущность и принадлежность к еврейству.

Карл Радек – близкий приятель Тоцкого (оба занимались содомией друг с другом), охотно взял себе в помощники Глеба Ивановича. О чем спустя несколько лет он горько-горько пожалеет... как пожалеет об этом знакомстве и сам Мойша Тоцкий.

Вскоре, получив указания Ордена относительно кандидатуры Бокия, Тоцкий передал Радеку, а тот в свою очередь доложил Ульянову-Бланку о необходимости пристального надзора и опеки над этим товарищем, в котором явно прослеживаются незаурядные задатки. После чего Ульянов-Бланк приблизил Глеба Ивановича к себе. В одну из их встреч Глеб Бокий высказал свое видение приближающихся событий по захвату власти, рассуждая о месте и степени

участия каждого из них. Ульянов-Бланк, выслушав соратника, согласился с его предложениями, но на прощание сказал:

– Вы знаете, мне нужно посоветоваться, что вам делать дальше.

В свою очередь, Глеб Иванович, раздосадованный услышанным, довольно жестко и нелюбезно заявил:

– Уважаемый Бланк, а вот этого делать не следует. Мне хорошо известно, что за время пребывания в Европе вы не приняли ни одного самостоятельного решения, и вами всегда управляла *приставленная к вам* госпожа Крупская.

Вот вы как были, так и оставайтесь марионеткой в компании содомитов.

И, не прерываясь на выслушивание ответа от враз раскрасневшегося и запыхтевшего собеседника, Бокий продолжил:

– А я бы хотел работать в той сфере, которую сам вижу наиболее перспективной для себя. Я уже все давно продумал. Но так как мы работаем на одну цель, поставлю вас в известность, что я должен буду иметь прикрытие. Скажем, вы или кто-то еще должен подтвердить, что во время захвата власти я состоял членом Военно-революционного комитета.

Было время, когда Бокию, как и многим его товарищам по партии, рекомендовали ознакомиться с так называемыми «Апрельскими тезисами» Ульянова-Бланка. Однако Бокия ознакомилась с первоначальным текстом, с оригиналом этого революционного «шедевра», разработанного аналитиками Ордена. Затем, как дознался Глеб Иванович, Надежда Константиновна Крупская забрала этот первоначальный труд и составила новые тезисы, которые и выдали за труд Ульянова-Бланка. Но знания об этом и наличие оригинала, доставленного из *центра мировой революции* – из Ордена, стали позже одной из причин шантажа, вернее, картой в игре за передел власти; пусть далеко не козырной, но Глеб Иванович умело включал в игру карту любой масти и любой степени значимости.

Уже после смерти Ульянова-Бланка Глеб Иванович будет манипулировать **не** только этим первоначальным текстом, но и другими **не** менее важными доказательствами, оказавшимися в его руках; он станет в какой-то момент, почувствовав безмерную силу, козырять перед Сталиным, Крупской и другими деятелями ВКП(б), предупредив, что сможет уверить, будто **не** они, а он стоял у истоков создания советско-еврейской власти в России. Словно потеряв разум, всегда расчетливый и рассудительный, он пригрозил товарищу Сталину, что раструбит на весь мир, – представив доказательства, – *что Николай II еще жив*, и тогда Генсеку действительно не поздоровится.

Однако угрозы в адрес Генсека ЦК Компартии тут же стали известны в Ордене, отсюда «расшалившемуся» Глебу Ивановичу поступило указание попридержаться язык. Скрепя сердце, всесильный начальник Спецотдела, который на тот момент и в самом деле имел практическую, реальную власть в стране, на какое-то время согласился и примолк. Он притих в ожидании своего звездного часа, готовясь и просчитывая...

Бокий не сдержится в 1937 г., когда придет к осознанию, что **не** дождется «благословения» из-за океана и что пора заговорить о многих таинственных моментах, касающихся захвата и становления советской власти; и, свергнув Сталина на этой волне расчетливых «откровений», самому захватить власть не только фактически, но и юридически (хотя последнее слово неуместно для преступного режима).

Что бы мог представить общественности Бокий?

Многое, очень многое, чтобы полетели головы. Но вряд ли бы он рассказывал о делах своего сверхзасекреченного ведомства.

Когда евреи, прозванные большевиками, пришли к власти и в стране начался массовый террор против русского народа, произошло рядовое событие между двумя содомитами, которое спустя годы агитпроповцы станут трактовать как «чудовищное преступление международного империализма и их белогвардейских наймитов», покусившихся на патриота совет-

ской власти, руководителя петроградского ЧК Моисея Урицкого. Его именем назовут площадь в бывшем граде Петра Великого, переименованного в город имени еврея Ленина – Ленинград; городам, улицам, проспектам, колхозам и предприятиям в советско-еврейской Иудее присвоят имя жида Моисея Соломоновича Урицкого. Но советская власть **никогда не признается**, что на самом деле то был не заговор империалистов и их пособников, а банальное убийство одного педераста другим. Некий студент-еврей Канегисер, имевший для содомских утех своего сотоварища Мойшу Урицкого, во время игры в шахматы приревновал его к другому содомиту и убил. После чего место руководителя ЧК г. Петрограда занял Глеб Иванович Бокий.

Тогда же распространили мнение, что Урицкий был довольно мягкотелым к врагам революции, вследствие чего якобы и произошел теракт, в результате которого был убит главный чекист города. На этом и сыграл Бокий.

Он учел это обстоятельство и начал массовый террор в отношении врагов революции, а проще говоря, против педерастов и психопатов, которых он сам **патологически ненавидел**. Так в нем бунтовала древняя кровь русского дворянского рода.

Не забыв при исполнении своего чудовищного плана мщения включить в число расстреливаемых аристократов, состоятельных промышленников, деятелей науки и культуры, да и просто русских людей. «Благодаря» ему было расстреляно более 10 000 русских жителей северной столицы, «этих проклятых гоев». Так в нем бунтовала черная кровь его еврейской матери-психопатки.

Чудовищная генетическая смесь; вырождок с историческим приданным в виде тяги к наукам и благородству, искаженных дьявольской наследственностью; **гений** со зловещей мукой в сердце; исполненный осознания своего предназначения, данного ему свыше...

Главным тайным нюансом в этом деле было то, что многих из расстрельного списка, особенно имевших отношение к наукам, технике и искусствам, Г. И. Бокий **не расстреливал**. Он их стал «разрабатывать» в качестве потенциального стратегического резерва на случай захвата им всей власти в бывшей царской империи, ставшей Совдепией.

Следует указать, что своих соплеменников он уничтожал безжалостно, в строго алфавитном порядке. Это потом те же евреи припишут немцам, что во время оккупации в годы Второй мировой войны для выявления евреев и советского актива (состоявшего в основном из тех же евреев) использовали данные системы телефонизирования; а кто, кроме этой категории людей в Советском Союзе мог иметь телефоны? И тех часто по наличию телефона выявляли, а затем расстреливали. Только вот впервые эту акцию «опознания» применил Г. И. Бокий, справедливо назвав ее **«священным искуплением»**. В годы анархии, беспредела и захвата евреями власти в Петрограде, в Москве, других губернских городах телефоны были у аристократов (со сменой власти – у заселившихся в их дома евреев-большевиков) и у еврейских коммерсантов. Расстреливая их, Бокий создавал свою мощную финансовую базу, экспроприруя награбленное ими. Это он, выполняя установку Ордена, ввел в уши Ульянову-Бланку фразу: «Грабь награбленное!» и... сам в числе самых первых евреев-грабителей, будучи жестоким антисемитом, беспощадно убивал соплеменников и присваивал их награбленное имущество и золото.

Чудовище, сущность которого практически невозможно понять; редкий **уникум**, самоупоенный своей властью над другими; **садист** с изысканными манерами и страстью вражды. Как еще можно охарактеризовать этого человека?!

Кровавая мясорубка, организованная – как это ни странно звучит – ярким антисемитом и врагом русской нации Бокием стала наилучшей проверкой его преданности идеям Талмуда и делам Ордена. И руководство большевистской партии на первых порах увидело в нем Того, кто для достижения своих чудовищных целей по уничтожению русского народа исполнит истерический материнский наказ: «Всех вас поглотит геенна огненная!»; развязав тем самым Г. И. Бокию руки, дозволив ставить чудовищные эксперименты над людьми, расселенными Господом Богом по 1/6 суши.

Хорошо понимая, что кровавое месиво убитых им гоев рано или поздно станет препятствием в его дальнейшей карьере, он составляет архивные записи, свидетельствующие о патриотических деяниях в деле укрепления советской власти. Так, он приписывает себе организацию подполья в Минске, на различных фронтах Гражданской войны, организацию контрразведки ОГПУ и т. д.

Были и другие сведения, подлежащие при надобности огласке. Под руководством Бокия Спецотдел продолжал совершенствовать шифрование и кодирование документов, и во многих направлениях деятельности его аппарат превзошел своих бывших коллег из Третьего отделения МВД Российской империи, возглавляемых полковником Зубатовым. С помощью созданного небольшого, но мобильного коллектива – распространителей его идей (сейчас бы подобные действия назвали «пиаровская акция»), он убедил аппарат Совнаркома и активную часть членов ЦК, что наиболее надежным местом хранения документов о замыслах и методах борьбы против гоев является он сам и его аппарат.

В начале 1920 г. с Бокием встретился давний знакомый Мойша Тоцкий и передал информацию, что Орден поручил руководителям разведслужб ряда европейских государств усилить активную агентурную деятельность против спецслужб советской власти.

Бокий сразу же ухватил самую суть: гегелевский закон, согласно которому происходят войны и революции, продолжается. И, значит, коль сталкиваются запланированные *тезис* и *антитезис*, следует высчитать ожидаемый *синтез*...

Их разговор был долог; в свою очередь Тоцкий, выслушав отчет и удовлетворенный результативностью работы Бокия, прощаясь, напутственно сказал:

– Не забывайте Глеб, в Ордене по-своему понимают цели и задачи иудейства в России. Конечно, Россия при царях жила хорошо и хлебом кормила чуть не весь свет. И финансы свои пополняла за счет мизерной реализации производимой продукции на внешнем рынке, а уровень жизни населения рос. И правильно делали цари, что приберегали свой стратегический запас, – хранили-берегли до поры до времени Сибирь и Дальний Восток. А вот ведь не понимали, что этот пышный пирог никогда не будет принадлежать им...

Тоцкий, видимо, хотел продолжить свои философствования, но, увидев, что Глеб Иванович поднялся с кресла и протянул руку, намереваясь проститься, он слегка потянулся навстречу. И тут же, в момент вдруг осознал, что происходит нечто ужасное. Во время должного вот-вот свершиться рукопожатия из-под рукава протянутой Бокием руки мелькнул какой-то тускло сверкнувший предмет, и Мойша ощутил неприятно-холодящий толчок в глубине под ложечкой, разливающийся чувством окаянного страха где-то в области сердца. Но тут же в его глазах все померкло. Навсегда.

А Глеб Иванович, сделав рукой движение, отстегнул от запястья ремешок, на котором крепилось специальное устройство с ножом; в нужный момент нужно было только протянуть руку и буквально выстрелить им. Отстегнув окровавленную холодную сталь ножа, Глеб Иванович бросил его в ванну, в которую его помощник уже залил ведро спирта. Эта игриво-злодейская процедура была его коронным номером на пути к личной вершине власти. На начальном этапе своего восхождения он еще не поручал такие дела головорезам.

Бокий приказал бросить труп в соляную кислоту (здесь он был не новичок; между прочим, в 20-е годы XX века это. Любимое занятие некоторых партийных божков, растворявших в кислоте даже детей, – божков, чьи имена вписаны в учебники, и в первую очередь «вождя мировой революции» Ульянова-Бланка, отвозивших после какого-нибудь нового «красного» праздника нескольких русских детишек из детдомов в тайное помещение, где имелся бассейн с соляной кислотой, и дразнившего очумелых детей конфетками перед тем как лукаво приказать им: «п-Гы-гай!»... это звучит чудовищно, но как человек *знающий, причастный*, говорю со всей ответственностью: это правда, и даже старые киноплёнки о подобных злодеяниях сохра-

нились, только вот где они теперь-то?!..). Убедившись, что останки растворились, он умиротворенно сел в кресло, продолжив философские полеты еще недавно произносимых вслух мыслей.

– Да, Сибирь и Дальний Восток – это огромный пирог для иудеев, им хватит на столетия вперед. Орден только наблюдает, как искусственно рождаются «правые» и «левые» и как погибают они в борьбе за иудейский синтез. Да, Орден умело манипулирует и первыми, и вторыми в международном масштабе. Он провоцирует переход от любых политических переговоров к физическому конфликту, причем после громкоголосых заявлений о попытках избежать войны.

Итак, Бокий сразу же ухватил самую суть: гегелевский закон, согласно которому происходят войны и революции, продолжается. И, значит, коль сталкиваются запланированные *тезис* и *антитезис*, следует вычислить ожидаемый *синтез*...

Эта игра на игровом поле планетарного масштаба стала захватывать его все больше и больше.

Бокий отлично понял, что центр международного еврейства одной рукой насаждает еврейскую власть в Москве; при этом правительство большевиков финансируется, получая поддержку, исчисляемую уже не 150–170 млн. долларов, а многими сотнями миллионов долларов. Вот – *тезис*. А второй рукой тот же центр организует стычки и войны против этой же власти, тем самым создавая иллюзию общественного мнения, что советская власть, свергнувшая режим царя, помещиков и капиталистов, является преступной, а потому ее необходимо уничтожить. И за время с 1917 г. Орден и Группа под общей координацией еврея Уинстона Черчилля организуют так называемый поход 14 государств против советской России. Вот – *антитезис*.

Но Бокий разгадал все эти замыслы и, будучи уже активным резидентом Ордена, принимая все правила игры, вносит свои коррективы в эту кровавую бойню по захвату русских богатств, в первую очередь, богатств Сибири и Дальнего Востока, покушение на которые обострилось именно в 20-е годы XX в. Овладение чужими богатствами, вот – *синтез*.

Но в этом беспроектном гегелевском раскладе Бокий увидел изъян.

Столетиями иудеи пытались овладеть Русским государством и его недрами, его бесконечными просторами и божественной красотой. И лишь начало XX в. Принесло им успех в несправедном сатанинском деле. Да, они захватили огромную территорию, но сумеют ли иудеи удержать чужую землю, пока на ней есть эти проклятые гои? Его мощный и пытливый ум осознает, что без уничтожения такой интеллектуально сильной, духовно-чистой нации, как *русский народ*, ни евреям, ни ему самому, ни всем остальным возжелавшим никогда не видать этих богатств.

И вот тут-то он высоко оценил свою прозорливость, понимая, как был умен, что поставил на службу себе самому – единолично! – потенциал русской интеллигенции, аристократии и других элитных слоев русского общества, не расстреляв людей, упрятанных в застенки его Спецотдела, а то и в... шикарные особняки со сверхдостатком. Он – этот сумасбродный гений – сумел (кого как: посулами, страхом, пытками, долгим забвением.) убедить их, что они будут всегда полезны горячо любимой ими России, что они останутся верными патриотами Родины. Родины, которой после 1917 г. больше нет и никогда уже не будет.

В руках Глеба Ивановича находится высший слой всей передовой русской науки Российской империи!

Немало среди них и тех, кто уже начал с ним сотрудничать на научной ниве, не без основания полагая, что такой неведомый им, не встречаемый ими ранее, непонятный в своей уникальности человек, как Бокий, не останавливаясь ни перед чем, станет щедро финансировать все (!) их научные проекты. И в самом деле, ученые, работающие у него, подобного финансирования не знали даже в недавние, лучшие для них времена, когда министром царского правительства был *Сергей Юльевич Витте*. Правда, русские ученые не знали и не могли знать некоторых важных нюансов. После скандального развода граф Витте женился на подсунутой

ему Орденом агента-еврейке. За что и станет впоследствии, при советской власти, зачислен в «прогрессивные» деятели «проклятой, темной, забитой царской эпохи». Потомки «новых русских» зачтут тот факт, что с 1905 г. в Российскую Думу стали избираться евреи. Тогда, в 1905-м, министр внутренних дел Александр Григорьевич Булыгин разработал закон по выборам в Первую Государственную думу; согласно закону крестьяне выбирали 43 % всех депутатов Думы, дворяне – 33 %, горожане (без рабочих и евреев) – 24 %. В это же время предатель государственных интересов, с 1905 года получивший должность председателя Совета министров Российской империи, граф Витте вел в США переговоры о мире с Японией и американцы, как посредники на переговорах, настояли допустить евреев к выборам в России! А вот рабочие были допущены к выборам позже... Тогда же его новая жена потребовала, чтобы тот убедил Императора, что средств для научных разработок недостает и потому Минфин считает нецелесообразным увеличивать финансирование научных исследований. Николай II, озабоченный уже не столько научным процветанием своей державы, сколько сохранением власти, согласился. Так что не удивительно, что работающие в Спецотделе ученые удивлялись неограниченной щедрости Г. И. Бокия.

На фоне искусственно созданного большевиками голода в Петрограде, Москве и в европейской части России, не только финансирование, но и содержание ученых было действенным фактором верного служения своему благодетелю.

За короткие 1,5–2 года Советской власти ученые Бокия, базируясь на огромном научном потенциале имперской России, создали уникальные чудеса техники в различных отраслях науки, немалая часть которых не доступна мировому ученому сообществу и лидерам государств и поныне!

Одним из таких талантов, якобы «открытым» Бокием, был и Владимир Иванович Вернадский, создатель первой в мире ядерной бомбы. Он оказался не только одаренным ученым в области ядерной физики, но и в области психологии людей, и... одним из самых первых переиграл Г. И. Бокия. Во второй половине 20-х г. Бокию стало ясно, что Вернадский работает не столько на него, сколько на Сталина. Но он не стал мстить; мол, всему свое время. Но «время» для Глеба Ивановича не наступит.

Бокий, создав научно-обоснованный молох смерти по уничтожению русского народа техническими, биологическими, генетическими и химическими средствами, недоучел одно обстоятельство.

Когда гибли десятки миллионов русских гоев, вожди иудаизма, упиваясь апокалипсисом, не заметили, как из местечкового хаоса и дерьма повылезли мелкие, но такие же алчные и такие же фатально стремящиеся к вершинам власти, как когда-то они сами. Это потом, когда в 1937 г. Глеб Иванович Бокий окажется в подвале Донского монастыря, он вынужден будет признать, что все-таки знал, все-таки понимал, что эти третьесортные местечковые соплеменники будут всегда настроены против своих же вождей. Но упоенный властью и созерцанием организованного им апокалипсиса, он ослабил свое напряжение, прикрыл всевидящее око и потому вынужден был поплатиться жизнью.

Глава 3

К началу 1920 г. Бокий собрал практически всех выдающихся ученых России во всех сферах науки. Пожалуй, он впервые пожалел (если ему было характерно чувство жалости к себе), что вместо того, чтобы учиться и познавать науки во время студенчества в Горном институте, он занимался далеко не благовидными делами. И он спешил наверстать упущенное, чтоб хотя бы поверхностно разобраться в тех массивах знаний и проектов, которые выдавали ему ученые. Нельзя сказать, что он сплеховал. Глеб Иванович от природы был редчайше одаренным человеком, невзирая на наследственную психопатию.

В процессе работы ему стало известно, что еще в первом десятилетии XX в. Некий русский офицер Колчак исследовал часть Северного Ледовитого океана, Кольский полуостров и сделал какие-то уникальные открытия. И что крест на его работах в Русском Географическом обществе поставил известный ученый Семенов-Тянь-Шанский.

Бокий затребовал все документы на Колчака.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Вы держали в руках те же документы, что и в свое время Бокий?

ПРИЗРАК: – Да. Все документы, связанные с научной деятельностью вице-адмирала Колчака, находившиеся в Ордене, были изъяты и стали достоянием партийной разведки. Все выкрали. И это одна из причин, почему его имя и деятельность как ученого до сих пор остаются неизвестны в истории.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Его открытия были действительно значимыми?

ПРИЗРАК: – Они просто уникальны. Тем, что подтверждают факт существования древнейшей цивилизации на территории нашей России, которая по своим научным и социальным открытиям превзошла нынешнюю цивилизацию. Но в силу природных катаклизмов ушла в глубины земли.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Но разве не было у него последователей?

ПРИЗРАК: – Были... у Глеба Ивановича Бокия.

ИНТЕРВЬЮЕР: – Какие чувства у вас вызывает эта личность?

ПРИЗРАК: —...какие чувства может вызывать дитя дьявола на земле? – .это зависит от человека, как к нему относиться. Личность Глеба Ивановича не может измеряться обычными мерками: плохой он или хороший, палач или херувим. Оценку ему и ему подобным дают двое: Создатель и сатана.

ИНТЕРВЬЮЕР: —.а ваш босс?

ПРИЗРАК: – Он превзошел Глеба Ивановича. Поэтому достояние Бокия, в том числе и научная база, перешли к моему боссу. Это давало возможность Сталину и до, и в годы Второй мировой войны, и после ее применять накопленный Бокием опыт по геноциду русского народа, совершая это как бы между делом.

Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября 1874 г. в Санкт-Петербурге. В метрической книге Троицкой церкви села Александровского Санкт-Петербургского уезда записали: «У штабс-капитана морской артиллерии Василия Ивановича Колчака и законной жены его Ольги Ильиной, обоих православных и первобрачных, родился сын Александр, четвертого ноября, крещен пятнадцатого декабря 1874 года».

Сделав небольшой экскурс в историю, мы выясним происхождение фамилии Колчак. Языковеды при этом отталкиваются от собственного мужского имени Минчак, которое имеет своей основой широко распространенное в карлукских и кыпчакских языках слово, например, от староузбекского *tuncsuq* ~ *tuncaq*, что означает: бисер, бусы, драгоценный камень; дагестанское (кумыкское) *mundhaq* ~ *tuncaq*, что значит драгоценный камень; казахское, каракалпакское *monfraq* — бусы; татарское *tujuucaq* – ошейник, при этом *caq* – аффикс, образующий название предмета, относящийся к тому, что обозначено производящей основой, в

данном случае *tujuun* – шея, и по аналогии: *qol* – руки, а *qolcaq* – нарукавники, как часть воинского снаряжения и *qoncaq* – наколенники, латы. Отсюда собственные имена *qoncaq* – имя половецкого князя Кончак и *qolcaq* – русская фамилия Колчак. Так что, полагают языковеды, имя Минчак по аналогии с именами Кончак и Колчак могло принадлежать выходцу из Золотой Орды, прибывшему на службу к русскому князю. Возможно происхождение Колчак и Кончак от близких слов *qolc* и *qonc*; например, русская фамилия Колчак из *qolc+aq*, т. е. поручни кольчужные и имя половецкого хана из «Слова о полку Игореве» Кончак – *qonc+aq*, т. е. панцирные наколенники, голенища, краги.

Словом, мы уразумели, что фамилия Колчак – тюркского происхождения, и даже отчасти становится понятным, откуда происходили далекие предки этой семьи. Согласно семейному преданию, Колчаки получили русское дворянство и герб одновременно с русским подданством примерно в 1745 г., во время царствования Императрицы Елизаветы Петровны. И, между прочим, из поколения в поколение передавали, что их древняя тюркская фамилия означает «боевая рукавица».

В то время, когда у Ольги Ильиничны (в девичестве Посоховой) и Василия Ивановича, уже имевших дочь Екатерину родился сын, глава семейства служил приемщиком по морской части на Обуховском сталелитейном заводе. В юности участвовал он в Крымской войне, держал оборону на Малаховом кургане. Было ему, сыну Ивана Лукьяновича Колчака, выпускнику Одесского Ришельевского лицея, 16 лет от роду, когда его зачислили юнкером в 44-й флотский экипаж. Пройдет несколько сражений, и 4 августа 1854 г. из рук коменданта Севастопольского гарнизона князя Васильчикова прапорщик морской артиллерии Василий Колчак получит награду – орден Святого Георгия 4-й степени. Впоследствии, через полвека после тех событий, он напишет очерк «На Малаховом кургане» и книгу «Война и плен»; причем, – сожалеют некоторые исследователи, – если бы В. Колчак написал свою книгу раньше «Севастопольских рассказов» поручика горной артиллерии Льва Толстого, то, глядишь, и прослыл бы знаменитостью... Умер отец Александра Колчака 4 (17) апреля 1913 г., будучи тогда в чине генерал-майора.

Мать Александра Ольга Ильинична, урожденная Посохова (1855–1894) происходила из дворянской семьи, чьи родители переехали в Одессу из Херсонской губернии. К слову, прадед А. В. Колчака Лукьян владел поместьем из 8 десятин земли в Ананьевском уезде той же Херсонской губернии; а дед А. В. Колчака Иван был старшим сыном Лукьяна. Отец Ольги Илья Андреевич Посохов был одесским головой (расстрелян большевиками в 1920 г.). Здесь, в прекрасном портовом городе, она и познакомится со своим мужем. Сюда же они из Санкт-Петербурга (где проживали в Поварском переулке, д. 6, кв. № 6) не единожды приедут с детьми к пожилым родителям. К слову сказать, в их семье родится и третий ребенок, дочь Любочка, но она умрет в раннем детстве.

До 3-го класса Саша обучался в гимназии; в 1888 г. был зачислен в Морской кадетский корпус, переименованный в Морское училище. Особое влияние на выбор флотской службы оказали его отец и его дядья: капитан 1 ранга Петр Иванович Колчак, генерал-майор по морскому ведомству Александр Иванович Колчак, контр-адмирал Александр Федорович Колчак, а также родственник матери контр-адмирал Сергей Андреевич Посохов.

В Морском училище Александр серьезно изучал точные науки, штурманское дело и навигацию, практиковался в Кронштадтской морской обсерватории и по окончании курса обучения был среди первых. Вот излюбленные исследователями жизни адмирала Колчака свидетельства. Говорит его однокашник Д. В. Никитин, ставший контр-адмиралом: «Кадет, среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычайным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием. Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в матема-

тической задаче, выход один: «Надо Колчака спросить». Вот вспоминает кадет младшей роты М. Смирнов, ставший контр-адмиралом: «Колчак, молодой человек невысокого роста с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы... чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь».

По окончании Морского училища в 1894 г. Александр Васильевич наряду со своими сокурсниками был высочайше удостоен офицерского чина мичман и причислен к Санкт – Петербургскому 7-му флотскому экипажу, а спустя несколько месяцев его назначили помощником вахтенного офицера на достраивавшийся в Кронштадте крейсер 1-го ранга «Рюрик». Следует заметить, что русский флот славился, прежде всего, тем, что выпускники морских учебных заведений империи считали за высокую честь служить на боевых кораблях. И важна здесь не так высокая материальная оценка, сколько нравственная. Броненосный флот, куда относился и крейсер «Рюрик», являлся самым эффективным среди всех флотов конца XIX века.

Но пылкая юношеская радость была омрачена смертью матери. Ольга Ильинична скончалась, не дожив и до 40, хотя была младше мужа почти на 13 лет. Ее похоронили на Успенском кладбище в пригородном селе Мурзинка.

А в сентябре 1895 г. на флагманском корабле эскадры крейсера «Рюрик» Александр Васильевич впервые отправился в океанское плавание на Дальний Восток. Уже в 1896 г. его назначают вахтенным офицером крейсера «Крейсер» (следует пояснить, что это бывший клипер «Крейсер», построенный в Санкт-Петербурге в 1876 г., по классификации судов русского флота отнесли к крейсерам 2-го ранга). На этом корабле Колчак совершил ряд плаваний в восточных морях Тихого океана. А в мае 1899 г. возвратился на «Крейсере» в Кронштадт. Где был переведен на должность вахтенного офицера на эскадренный броненосец «Петропавловск». Вскоре броненосец взял курс на Дальний Восток, ставший для Александра Васильевича местом не только его совершенствования, как военного моряка, но и становления как личности и патриота своего Отечества.

Можно вкратце упомянуть о трагической судьбе корабля мичманской юности Колчака «Рюрик». Крейсер примет неравный бой близ острова Цусима, во время которого погибнет капитан 1-го ранга Трусов (ему оторвет голову), один за другим погибнут и многие моряки команды, пока очередной заступивший на боевую вахту капитан Иванов-Тринадцатый не отдаст приказ затопить истерзанное судно, предприняв перед тем меры к спасению оставшихся живых и израненных. Александр Васильевич, сам принимавший участие в Русско-японской войне, узнает о судьбе корабля уже в Санкт-Петербурге, вернувшись из японского плена...

Проходя службу на Тихом океане, Колчак изучил китайский язык, глубоко и основательно усвоил восточную философию; все свободное от службы время он – любознательный от природы, основательный, ищущий, – посвящал исследованиям океана в области океанографии, гидрологии, корректировал карты течений вдоль дальневосточного побережья материка. У него сформировалась тенденция к познанию в сфере морских исследований и научному обоснованию. Итогом его первой научной работы стала публикация в 1899 г. «Наблюдений над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенных на крейсерах «Рюрик» и «Крейсер» с мая 1897 г. по март 1898 г.», получившая высокую оценку выдающегося русского ученого, вице-адмирала С. О. Макарова. Который после знакомства с молодым ученым предложил ему участвовать в подготовке экспедиции в Северный Ледовитый океан на построенном по проекту самого Макарова ледоколе «Ермак».

Макаров Степан Осипович (27.12.1848 – 31.03.1904), ученый, флотоводец, полярный исследователь. Родился в приморском городе Николаеве, в семье прапорщика морской исправительной роты. Вехи его жизненного пути можно обозначить следующим образом. Закончил Морское училище в Николаевске-на-Амуре в звании кондуктора Корпуса флотских штурманов (1865), затем – Николаевскую военно-морскую академию и Николаевскую академию Генерального штаба. С 1861 г. плавал на кораблях Сибирской флотилии и эскадры Тихого океана. В 1873 г. им был изобретен специальный пластырь для заделки пробоин судов; изобретение демонстрировалось на Всемирной выставке в Вене. Получил назначение на Черноморский флот командиром парохода «Великий Князь Константин». Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., *впервые в мире* применив против турецких кораблей самодвижущиеся мины (торпеды). В конце 1879 г. женился на девице Капитолине Николаевне Якимовской; в это же время познакомился с генералом М. Д. Скобелевым. Участвовал в Ахал-Текинской экспедиции по Средней Азии (1880–1881). С октября 1881 г., командуя пароходом «Тамань», стоявшим в Константинополе, он исследовал течения в проливе Босфор и на основе наблюдений в 1885 г. написал труд «Об обмене вод Черного и Средиземного морей». Его работа получила высокую оценку – в 1887 г. она была удостоена премии Академии наук, а сам автор вошел в ряды известных океанографов. С того времени Макаров уже не оставляет занятий океанографией (гидрографией), не единожды выступая с докладами на съездах естествоиспытателей и врачей, в Физико-химическом обществе и т. п. Его капитальный научный труд ««Витязь» и Тихий океан» (2 тт., 1894) удостоен премии Петербургской Академии наук и золотой медали Императорского Русского Географического общества.

В 1890 г. произведен в контр-адмиралы, в 1896 – в вице-адмиралы; с 1894 – командующий Средиземноморской эскадрой. Совершил поход на Дальний Восток (1895–1896). С 1896-го – старший флагман Практической эскадры Балтийского моря, по сути – командующий эскадрой Балтийского моря. Тогда же он принимается за разработку своей давней идеи, – за проект мощного ледокола. Мысль о том, что подобный корабль мог бы преодолеть льды Северного Ледовитого океана, зародилась у него еще в 1892 г. Он даже прочел публичную лекцию в РГО, на которой присутствовали многие ученые и видные высокопоставленные лица. Содержательная лекция была обставлена великолепно: с демонстрацией карт, чертежей, фотографий и даже моделей ледоколов. Ученый представил свой план использования ледоколов и будущего сибирских рек, впадающих в Северный Ледовитый океан. Вскоре председатель РГО академик Семенов-Тянь-Шанский, получив из-за океана секретные распоряжения насчет строительства предполагаемого судна, встречается с министром финансов С. Ю. Витте. Последний приглашает к себе Степана Осиповича для знакомства с дорогостоящим проектом. И, давая согласие, оговаривает, что строительство нового корабля будет вестись в... Англии. Заказ в 1,5 млн. рублей золотом был отдан фирме «Армстронг, Витворт и Ко» в Ньюкасле.

А через какое-то время под наблюдением С. О. Макарова, не раз приезжавшего в Англию, и был построен *первый в мире* мощный ледокол «Ермак» – тезка покорителя Сибири. 21 февраля 1899 г. он вышел в свое первое плавание, держа курс на Кронштадт. Летом 1899 г. и в 1901 г. «Ермак» совершал плавание в Арктику, в результате которых С. О. Макаровым был собран богатейший научный материал, часть из которого легла в основу книги «Ермак во льдах» (1901).

Интересно, что во время одной из операций по спасению из ледового плена броненосца «Генерал-адмирал Апраксин» *впервые* для практической цели использовалось радио, изобретенное А. С. Поповым за 2–3 года до этого. Сам Макаров по этому поводу писал: «Изобретение нашего кронштадтского ученого профессора Попова получило во время работ у «Апраксина» практическое применение. Профессор Попов первый открыл способ телеграфирования без проводов. Маркони выступил после Попова, но в Англии образовалось общество с большим капиталом, которое не щадило средств на исследование и рекламу...».

В экспедиции Макаров применил не только радио, но и кино съемку, – и это было *первое* применение кино в океанографии! Это примечательно еще и тем, что кино только-только входило в обиход. Степан Осипович использовал съемку для того, чтобы показать работу ледокола в полярных льдах. Впоследствии этот фильм был продемонстрирован на заседании РГО. «Нахожу, что кинематограф должен составлять принадлежность каждой экспедиции, и надо, чтобы один из ученого штаба знал обращение с ним», – настойчиво порекомендует ученый своим коллегам.

Правда, с упомянутыми экспедициями в Арктику было не все так гладко. Летом 1900 г. «Ермак» пришлось перестраивать, совершенно непригодным оказался поставленный английской фирмой-подрядчиком хваленый американский носовой винт. Работы по переделке были завершены в феврале 1901-го, после чего корабль вернулся в Кронштадт. И вот – в который раз – Степан Осипович поднимает вопрос об организации экспедиции в Северный Ледовитый океан. Он пишет обстоятельную докладную записку Витте, упоминая, что еще в 1897 г. он обращался с подобной просьбой в Академию наук и Русское Географическое общество, однако не нашел там поддержки. Витте тут же вызвал Семенова-Тян-Шанского, чтобы поинтересоваться его мнением на сей счет. Мнение академика резко отрицательное; его, как и Витте, интересует прежде всего коммерческая сторона вопроса, а не научная. Макаров реагирует бурно: «По мнению Вашего Высокопревосходительства, – пишет он Семенову – Тянь-Шанскому, – корабль должен быть деревянный, малого размера, с ограниченным экипажем, и на случай необходимости оставить корабль должны быть средства для следования на санях всему экипажу... С мнением Вашего Высокопревосходительства я вполне согласен, если это относится к тем способам, которые до сих пор практиковались.» Тогда как он предлагает новое решение, и «если это осуществимо, то изменяется совершенно тип полярных исследований, которые придется организовывать на других началах». Степан Осипович был столь настойчив, что в 1901 г. «Ермак» все же отправился в экспедицию; в составе его научной группы было 9 человек.

Их исследования внесли значительный вклад в новую науку – *океанографию*, зародившуюся в середине XIX в.

Процесс развития новой науки был многотрудным и продолжавшимся до конца Первой мировой войны. За этот временной отрезок были созданы теоретические основы океанографии, собран уникальный материал, позволивший составить общее представление о распределении глубины, температуры, солености и других океанографических характеристик Мирового океана и о закономерностях, коими все эти характеристики управляются.

Впоследствии в своих показаниях во время следствия в ЧК Александр Васильевич писал: «Когда я в 1899 г. вернулся в Кронштадт, я встретился там с Его Превосходительством вице-адмиралом, который ходил на «Ермаке» в свою первую полярную экспедицию. Я попросил взять меня с собой. Степан Осипович высказал также подобную встречную просьбу ко мне, но по служебным обстоятельствам адмиралу не удалось удовлетворить свое желание и мою просьбу, и ледокол «Ермак» ушел без меня. Я же вновь отправился на Дальний Восток, полагая что, может быть, мне удастся попасть в одну из экспедиций – которая бы изучала северную часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я стремился попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла на Командорские острова к Берингову морю на Камчатку. С Его Превосходительством вице-адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в те дни, так как он сам много трудился по океанографии».

Глава 4

В сентябре 1899 г. «Петропавловск», на котором продолжал службу офицер Колчак, вновь ушел на Дальний Восток, но уже через Средиземное море, далее – через Суэцкий канал и Индийский океан. Во время плавания корабль посетил греческий порт Пирей, где Колчака ждала телеграмма за подписью Матисена с просьбой принять участие в русской полярной экспедиции, которую организовывала Российская Академия наук, определив начальником барона Эдуарда Васильевича фон Толля. Незадолго перед этим Э. В. фон Толль входил в научную группу под руководством С. О. Макарова, плававшую на «Ермаке». И, вернувшись, стал активно вести подготовку к собственной экспедиции к загадочной Земле Санникова, которую, по его словам, он видел с северо-западного мыса острова Котельный еще в августе 1886 г., когда участвовал в экспедиции А. А. Бунге. Определив тогда же ее примерные координаты, он запишет в дневнике: «Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и надписать на ней: Земля Санникова». В тот раз его проводниками были два эвена (ламута), которых звали Джергели и Омунджа, – знатоки Новосибирских островов. Один из них к большой радости фон Толля подтвердил, что уже не раз с того же острова Котельного видел на севере в отдалении некую землю.

Следующее посещение бароном тех мест в составе научной экспедиции, снаряженной Русской Академией наук, было в 1893 г. В задачу исследователей входили поиски трупа мамонта, обнаруженного звероловами у Святого Носа, а также организация на острове Котельном склада с продовольствием для одной из полярных экспедиций. И вновь барон видит загадочную Землю Санникова! Между прочим, в сопровождении все тех же «старых друзей», как он называл эвенов. На сломе эпох барон, как никогда прежде, мечтал покорить видение...

В начале 1900 г. лейтенант А. В. Колчак прибыл в северную столицу, где Толль предложил ему должность второго штурмана (помощника командира) экспедиционного судна. Одновременно на него возлагались обязанности магнитолога, гидрографа, гидролога. С целью освоения специальности магнитолога, он посещает специальные курсы в Петропавловской магнитной обсерватории и Главной физической лаборатории в Санкт-Петербурге; проходит практику в Норвегии у Фритъофа Нансена. Там, в Норвегии, к талантливому офицеру и подающему надежды ученому начали впервые присматриваться агенты Ордена, которые находились в окружении знаменитого норвежского исследователя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.